

Все события, происходящие
в романе, вымышлены, любое
сходство с реально существую-
щими людьми — случайно.

Автор

Часть первая

ГЛОССАРИЙ¹

«... — А ты здесь откуда? — спросила Королева. — И куда это ты направляешься? Смотри мне в глаза! Отвечай вежливо! И не верти пальцами!

Алиса послушно посмотрела ей в глаза и постаралась объяснить, что сбилась с дороги, но теперь понимает свою ошибку и собирается продолжить свой путь.

— Твой путь? — переспросила Королева. — Не знаю, что ты хочешь этим сказать. Здесь все пути мои!»

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Пролог

Убийство

...Бокала Ей не хватило.

Она была единственной, кому не хватило бокала. Единственной из шести женщин и четырех мужчин. И одной собаки, хотя никому бы и в голову не пришло предложить шампанское собаке.

И на три минуты — ровно столько понадобилось официанту, чтобы исправить оплошность, — это стало главным событием вечера. Поводом для очередной демонстрации могущества, рассчитанной на телекамеру. И так идущей и Ее платью, и Ее бесстрашно открытым, ничем не украшенным ключицам, и перстням на пальцах, и бледно-восковому цветку в разрезе декольте. Это оценили все; во всяком случае, все придвинулись.

Все, кроме собаки. Она и без того сидела у Ее ног.

«Сука, — подумала Первая женщина. — Она просто издевается над нами! Даже из культпохода в сортир может сделать шоу, не говоря уже о шампанском. Сваляля дурака, чтобы лишний раз нас унизить...»

¹ Глоссарий — собрание глосс (непонятных слов или выражений), обычно к отдельному произведению или автору с их последующим толкованием.

«Сука, — подумала Вторая женщина. — Какого черта я вообще согласилась участвовать в этом балагане? А ведь Иван меня предупреждал!..»

«Сука, — подумала Третья женщина. — Пропади ты пропадом! Дождешься, что когда-нибудь тебя прищучат. И будет за что, уж поверь. Судя по твоей физиономии, налогов ты не платишь... Да, мать твою, не вовремя я ушла из прокуратуры...»

«Сука, — подумала Четвертая женщина. — Под хвост заглядывать неудобно, но, по-моему, все-таки сука. И порода восхитительная. Нужно переговорить с этой муреной о помете. Интересно, сколько она берет за щенка?..»

«Сука, — подумала Пятая женщина. — Ничего-ничего, пока все идет по плану...»

«Сука, — подумали все четверо мужчин. — Но до чего хороша! На «переспать» никаких шансов, хотя, может быть, удастся проводить Ее до двери... И кто знает... В этом возрасте дверь обычно оставляют открытой...»

Наконец с маленьким инцидентом было покончено. Шампанское снова скользнуло в Ее руку, Она подняла бокал и обвела взглядом комнату. Последовал тост с упоминанием имени каждого из присутствующих. Милых, обаятельных, обворожительных людей. И таких красивых. По-настоящему красивых! Как жаль, что у Нее не было возможности познакомиться с ними раньше, но теперь, когда это произошло, — рога в землю, флот в гавань, шпаги в ножны, перемирие на всех фронтах. Капитуляция — полная и безоговорочная.

Если, конечно, никто не возражает.

Никто не возражал. Все признавали Ее первенство. Сжав челюсти, нагнув подбородки, сцепив пальцы, — все признавали Ее первенство. Ее превосходство.

Все сдвинули бокалы и чокнулись.

Она первой сделала глоток. Маленький глоток. И снова улыбнулась.

Вы не находите, что у этого шампанского странный вкус? Вы не нахо...

Бокал выпал у Нее из рук и разбился на мелкие осколки. Она сделала несколько шагов вперед, удивленно улыбнулась, перехватила пальцами горло и открыла рот — как будто ей не хватало воздуха... А потом по Ее телу пробежала судорога.

«Ну вот, — подумала Первая женщина. — И здесь не удержалась от фиглярства! Давай вставай и кланяйся. Шоу маст гоу он, как говаривал покойничек Фредди Меркьюри...»

«Это не балаган, — подумала Вторая женщина. — Это вертеп. Это гиньоль. Это комедия дель арте. А ведь Иван меня предупреждал!»

«Некоторые и не такие штучки проделывали, чтобы вывезти активы за границу, — подумала Третья женщина. — Да, мать твою, не вовремя я ушла из прокуратуры!..»

«Какой дивный перстень, — подумала Четвертая женщина. — Пялиться на руки неудобно, но, по-моему, все-таки изумруд. И цвет восхитительный. Нужно переговорить с этой муреной о ювелире. Интересно, сколько он берет за огранку?..»

«Вот и все, — подумала Пятая женщина. — Вот и все, вот и все, вот и все... И как просто... Как просто, господа!..»

Все пятеро стояли неподвижно, и на них не было никакой надежды. Да и какая надежда может быть на женщин?

И тогда, собрав последние силы, Она повернулась к мужчинам. К четырем мужчинам. Вернее, к четырем мужчинам и телекамере.

Вернее — к телекамере. К ней одной.

Камера, опешившая так же, как и люди, все еще работала. И Она заглянула в нее, Она бросила в нее прощальный взгляд. И растянула губы — то ли в улыбке, то ли в гримасе. И, оторвав наконец руку от шеи,

погрозила пальцем. Кому-то или чему-то. Или указала. На кого-то или на что-то.

Но скорее всего это был ничего не значащий жест.

Через секунду Ее лицо налилось синевой, и Она, как подкошенная, рухнула на пол. И затихла.

— Врача! Позовите врача!..

Но первым рядом с ней оказался не врач, которого на этой вечеринке не было и в помине, а официант. Он присел на корточки перед распростершимся на полу телом. А потом осторожно коснулся Ее шеи кончиками пальцев.

Сколько прошло времени? Минута, час, несколько секунд? Все как замороженные смотрели на плоские, коротко стриженные ногти официанта. И ни у кого не хватало смелости посмотреть на Нее саму. На Ее искаженный профиль. На волосы, моментально прилипшие к черепу, сбившиеся в кучу от страха.

Всем остальным тоже было страшно. К тому же лаяла собака.

— Заткните ее, бога ради! — крикнул кто-то из женщин.

— Ну?! — крикнул кто-то из мужчин.

Бесполезный вопрос и совершенно очевидный ответ.

Официант поднялся и почему-то стал отряхивать брюки. А потом — в полной тишине — бесцветным голосом произнес:

— Никакого врача не нужно. *Она мертва.*

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Первая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Вторая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Третья женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Четвертая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Пятая женщина. — Но это правда!..»

Глава 1

За двенадцать часов до убийства

Я смотрю в иллюминатор на плывущие на фоне белой, заснеженной земли, разрезанной черными линиями дорог, розовато-белые облака и опять вспоминаю, как это все случилось, и думаю, сколько еще я выдержу...

...Итак.

Человек появляется в эпоху голоцена (наплевав на триас, юру и мел¹ с их влажным засильем ящеров); у Юпитера одиннадцать спутников, а белье от Шанталь Томас не идет ни в какое сравнение с продукцией фабрики «Ивановские ситцы». Все вышперечисленное — абсолютная истина. Как и то, что я занимаю свое нынешнее место не по праву.

Но и ухом не веду. Напротив, стиснув все имеющиеся в наличии зубы, продолжаю с энтузиазмом играть так несвойственную мне роль.

Даже старичок-апостол Петр выглядел бы в ней куда естественнее. Если бы, конечно, сбрил бороду, забросил в ближайшие кусты орешника ключи от Царствия Небесного и, задрав тунику, ринулся в погоню за автографом Аглаи.

Мир сошел с ума, ничего не поделаешь. Мир сдвинулся по фазе и пребывает в ожидании Библии-2, автором которой непременно станет Аглая. Только она, и никто другой. Ей не нужны соавторы: ни Матфей, ни Марк, ни Лука, ни Иоанн. И вообще, лучшее, что она может предложить заслуженным евангелистам, — это воскресные визиты к ним, в Дом ветеранов сцены (кто бы мог подумать — у этого заведения существуют квоты на престарелых писак)...

Мир сошел с ума, мир сдвинулся по фазе, мир помешался на Аглае Канунниковой: ничем другим объ-

¹ Голоцен, триас, юра, мел — периоды геологического развития Земли.

яснить происходящее я не могу. Остается только принимать его таким, каков он есть. Конечно, я отдаю себе отчет в том, что где-то существует и другой — большой — Мир. Мир, отличный от обложек ее книг. В этом мире ведутся войны, его иногда посещают гении, инопланетяне и сиамские близнецы; этот мир сотрясают кризисы на фондовых рынках, террористы с их пластиковой взрывчаткой, оргазмы и подвижки горных пород; этому миру угрожает глобальное потепление и такая же глобальная компьютеризация...

Чего только в нем, черт возьми, не происходит!

Совсем как в Аглаиных, черт возьми, опусах. Она — единственная. Она — зубодробительная. Она — номер один. И ей крупно повезло, что она родилась в России. В любой другой, менее экзальтированной стране госпожа Канунникофф получала бы скучные миллионы, жила бы на скучной вилле, отбрыкивалась от скучных папарацци и читала бы скучные лекции в скучных университетах.

А вот Россия — Россия совсем другое дело. И поэт в ней больше, чем поэт, и салат в ней больше, чем салат (не тот, который семейства сложноцветных, а тот, который оливье)... И детектив в ней больше, чем детектив. Так, нечто среднее между поваренной книгой, моральным кодексом строителя коммунизма и десятистраничным пособием для бойскаутов «Как развести костер, если отсырели спички».

И все потому, что мы, русские, обожаем, когда нас учат жить. Со сладострастием, достойным лучшего применения, мы подставляем головы и задницы под интеллектуальные розги да еще обижаемся, если ими недостаточно резво нас охаживают. И не оставляют рубцов истины на коже. Эта — совсем не бесспорная — мысль принадлежит моей университетской подруге Дарье. Именно ей, Дашке, я обязана своим сегодняшним местом. И своим сегодняшним жалованьем, и доступом к телу Аглаи Канунниковой. Это тело **11**

и сейчас маячит у меня перед глазами. Я могу протянуть руку и коснуться (о, несбыточная мечта фанатов от масскульты!) Аглаинового плеча. Или ее подбородка, уткнувшегося в бумажный пакет: великая Аглая не переносит болтанку, она вообще ненавидит самолеты, как ненавидит поезда, паромы, роликовые коньки, горные велосипеды. И письма от поклонниц с одним и тем же воплем в постскриптуме: «Почему вы сделали убийцей Макса (Сержа, Карла Кузьмича, фамильный ледоруб — в зависимости от порядкового номера книги), он ведь такой душка!..»

Мне, в отличие от Аглаи, глубоко плевать на воздушные ямы и на то, что в салоне бизнес-класса, которым мы летим, обнаружилось с пяток безумиц, мертвой хваткой вцепившихся в последний опубликованный роман Канунниковой.

Не самый, между прочим, хороший.

Я прочла его сигнальный экземпляр еще летом — теперь это входит в круг моих обязанностей. Этот круг достаточно широк и включает в себя сортировку писем, ответы на звонки, долгие беседы с журналистами и выгул Ксоло. Ксоло, отвратительное на вид существо, носит гордое имя «мексиканская голая собака», хотя мне она больше всего напоминает неудачно размороженного цыпленка.

Аглая же в ней души не чает.

Настолько не чает, что я едва не лишилась места, когда неделю назад высказала робкое предположение о... м-м... гостинице для собак. На время нашей... м-м... поездки. Аглая заклеила меня как собаконенавистницу, черствую маленькую дрянь, которая рано или поздно будет привлечена к ответственности за жестокое обращение с животными.

Мне пришлось заткнуться и оставшиеся до отъезда дни заниматься прививками, ветеринарными справками и шитьем меховых попонок для мерзкой собаченции. Меховые попонки — вот он, мой звездный

час! Особенно если учесть, что я занималась шитьем все последние годы.

Я занималась бы им и сейчас (перелицовка пальто, кройка мужских брюк, костюмы для детской театральной студии Дома культуры им. В. Кингисеппа), если бы... Если бы прошлым летом не оказалась в Москве. Поездка в Москву была спонтанной — такой же спонтанной, как и моя свадьба и последующий за ней развод. Именно после развода я и отправилась в столицу — зализывать раны.

— Значит, в Москву? Разгонять тоску? — вежливо осведомился мой бывший муж, не ко времени явившийся за потрепанной магнитолой — единственной вещью в доме, купленной на его деньги. — Супружеское ложе еще не остыло, а ты уже... Ну-ну.

Внизу, у подъезда, его ожидала новая пассия — из окна кухни я видела, как они подъехали на крепеньком мускулистом джипе. Пассию звали Тамара Константиновна, и мой Бывший нарыл ее на «Ленфильме», куда таскался в тщетной надежде пристроить один-единственный написанный им сценарий. Сценарий назывался «Дервиш взрывает Париж» и проходил по разряду эксцентрических комедий.

Судя по тому, как скоропостижен был наш разрыв, царица Тамара оценила «Дервиша...» по достоинству. Кроме того, она была владелицей карликовой продюсерской компании «Флитвуд Интертэймэнт».

— Когда запуск? — не удержалась я, сжимая в руках постылую мужнину магнитолу.

— В сентябре, — он даже раздулся от осознания собственного величия. — Могу пристроить тебя ассистентом. Если, конечно, тебе надоело шить подштанники для пионеров.

Это было слишком.

— Пионеров больше нет, ты разве не в курсе? — спросила я. И через секунду магнитола со свистом шваркнулась о стену — в опасной близости от наглой, **13**

опухшей от мании величия, издевательски-круглой головы Бывшего.

— Сука, — сказал он.

— Подонок, — не осталась в долгу я.

— Неудачница.

— Альфонс.

— Швея-мотористка.

— Бездарь.

— Дура фригидная!

— Геронтофил-любитель...

Через пятнадцать минут, когда поток эпитетов иссяк, мы переключились на ближайших родственников с его и моей стороны — и брань вспыхнула с новой силой. Но и ее прервал требовательный автомобильный гудок.

— Твоя старая кляча, — сказала я, утирая пот со лба, — и получаса без тебя прожить не может. Надо же, какой темперамент. И это в ее-то годы!

— Заткнулась бы. — Бывший, тотчас забыв о наших препирательствах, подозрительно смахивающих на флирт, легко отодвинул меня и опрометью бросился к выходу.

— Беги, беги, женишок, — напутствовала его я. — Беги, а то передумает финансировать твою дешевку!..

Оставшись одна, я оросила слезами трупик поруганной магнитолы (восстановлению она не подлежала). После чего отправилась в спальню, собирать вещи.

Дарья.

Дарья — вот кто отвлечет меня от мыслей, попахивающих самым банальным суицидом!

...Дарья встречала меня на Ленинградском вокзале.

За те три года, что мы не виделись, Дарья почти не изменилась. Все тот же целеустремленный нос, все тот же стальной взгляд, все те же бледные арийские космы, волевым усилием собранные в пучок. В университете лицо Дарьи было несколько размытым (скорее всего от жизненной неопределенности), но теперь приобре-

— Похоже, ты становишься стервой, — констатировала я, целуя ее в жесткую, отстраненно-московскую щеку.

— Уже стала, — хохотнула она и отобрала у меня сумку. — Это же Москва, а не благословенный Крыжополь. Как твой дервиш? Взорвал Париж?

— Почти, — я снова пригорюнилась. — Мы развелись на прошлой неделе.

— Ушел от тебя к богатой старухе, ясно. А ты все подштанники кроишь?

— Крою, — призналась я. — И не только подштанники.

— Ну, и стоило для этого журфак кончать?

Вопрос был риторическим, и я промолчала.

Мы промахнули очумевший от людской толпы Ленинградский и оказались на площади трех вокзалов.

— Москва! — Я полной грудью вдохнула основательно подзабытый столичный воздух. — Москва!

— Москва, чтоб ей пусто было, — согласилась Дарья. — Москва, чтоб ей ни дна ни крыши. Пот и кровь, девочка моя, пот и кровь. А мест под солнцем не так много.

— Не так много, это точно. Мне — не хватило.

Я сделала шаг в сторону распаренного метро, но Дарья ловко ухватила меня за руку.

— Не сюда, — шепнула она и, вынув из кармана ключи, поболтала ими перед моим носом. — Тарантас подан, мэ.м.

Тарантасом оказалась вполне приличная «Мазда», терпеливо ожидавшая нас у обочины. Респектабельную физиономию «Мазды» заметно портили подбитая фара и вывороченное левое крыло, но все равно: Дарья-автомобилистка — это было здорово!

— Твоя?

— А ты как думаешь?

— Думаю, что свое место под солнцем ты отовала, — уметь радоваться успехам других было

единственным ремеслом, которому я научилась. Если, конечно, не считать обметку петель с последующей их оверложкой. — Гоняешь как сумасшедшая, признавайся!

— В основном стою в пробках. Это же...

— ...Москва! — в который раз с благоговением произнесла я.

— Вот именно.

— А вмятины откуда? — Я осторожно коснулась нагретшегося на июльском солнце капота. — Попала в аварию?

— Объясняю еще раз: пробки, — Дарья плюхнулась на водительское сиденье и жестом пригласила меня последовать ее примеру. — Нервы не выдерживают. Начинаю ерзать и толкаться в общей очереди. Ты же знаешь, как я их ненавижу — очереди.

— Может быть, имеет смысл снова пересесть на метро?

— Исключено. Вот что, мне нужно заехать в редакцию. Много времени это не займет, а потом я буду в полном твоём распоряжении. Ты не возражаешь?

Как я могла возражать?

— Ты по-прежнему в «Квартале»? — спросила я, когда мы остановились на первом светофоре.

Бесхитростный журнальчик для домохозяек «Квартал» был местом последней дислокации моей амбициозной и шумной, как Ниагарский водопад, подруги.

Губы Дарьи выгнулись в презрительной улыбке, и я сразу же поняла, что «Квартал» оставлен. Покинут. Брошен на произвол судьбы. Забыт, как страшный сон. Как газета в метро. Как малотиражка завода железобетонных изделий.

— С ума сошла! Я теперь в «Роад Муви»!

Это прозвучало как: «Я вышла замуж за Майкла Дугласа, а свидетелями со стороны жениха были Сильвестр Сталлоне, Микки Маус и Дональд Дак». Против утки, мыши и примкнувшего к ним жеребчика

Сильвестра я не имела ровным счетом ничего, а вот Майкл Дуглас вызывал во мне гораздо меньше симпатий. И к тому же был тривиально женат.

— Что это еще за «Роад Муви»?

Дарья даже бросила руль.

— А ты не знаешь? — недоверчиво спросила она.

— Понятия не имею.

Лучше бы я этого не говорила.

— Ты, я смотрю, совсем очумела за своей швейной машинкой! От рук отбилась! Это же самый продвинутый журнал на сегодняшний день. Искусство, литература, театр, кинематограф. Ты знаешь, какие бабки платят знаменитости, чтобы у нас засветиться?

— Зачем же знаменитостям платить? — совершенно искренне удивилась я. — Они ведь и так знаменитости.

— Господи, это концептуальное издание! Определяет моду, формирует вкусы...

— Ну, это ты загнула. Вкусы формирует толпа, а моду определяет время. При чем здесь твой «Роад Муви»?

Дарья надулась и покраснела. А я сразу же устыдилась своего кавалерийского наскока. В конце концов, это я приехала к ней плакаться в жилетку, а не она ко мне. В конце концов, это я все последние годы подмывала игле и наперстку, а не она. В конце концов, это я прохлопала свою жизнь — я, а не она.

А она — она в жизни преуспела.

Да еще Бывший со своей выпотрошенной временем продюсершей!..

— Прости. Я сейчас неадекватна. Он меня бросил, ты же знаешь. — Я положила руку на локоть Дарьи и легонько его пожалала.

— Ладно. Проехали. Ужасно рада тебя видеть, правда!

Она бросила руль, обеими руками обхватила мою голову и по-матерински прижала к груди. И едва не врезалась в идущий прямо перед нами бодрячок-«Фольксваген».

— Осторожнее! — пискнула я. — Твоя машина!

— Плевать, новую куплю, — парировала Дарья, но по тормозам все-таки дала.

...Через полчаса мы наконец-то добрались до уже основательно мной подзабытого исторического центра и с ходу пронзили Кривоколенный переулок. За это время я успела узнать, что Дарья ведет в «Рoad Муви» рубрику «Гамбургский петух» (рецензии на книжные новинки), съездила в Венецию и Мадрас, была на приеме в австрийском посольстве, где ей поцеловал руку «дыши глубже, сам Никас Супрунов» (интересно, кто это такой?). Кроме того, она поменяла два резца в верхней челюсти и двух мужей. И сейчас подыскивает спутника жизни под номером три.

— А кто это — Никас Супрунов?

— Художник, деревня! — Дарья смерила меня презрительным взглядом. — Берет пятьдесят тысяч за холст. В баксах, между прочим. А какой сексапил — просто фантастика!... Отдалась бы ему прямо на биде!

Редакция «Рoad Муви» находилась в самом конце патриархального Кривоколенного и занимала двухэтажный особняк, украшенный колоннами. Площадка перед особняком была заставлена дорогими иномарками, из чего я сделала вывод, что дела у концептуально-го издания обстоят неплохо.

Мы поднялись на второй этаж, и Дарья приветливо распахнула передо мной дверь с табличкой «Гамбургский петух».

— Я к главному, ненадолго. А это тебе, чтобы не скучать.

И, сунув мне внушительную стопку «Рoad Муви», она пулей вылетела из комнаты.

Глянцевые знаменитости обоих полов — все как один холеные, загорелые, оскалившие в снисходительной улыбке идеально ровные зубы (уж не сам ли господь бог снабжает запасными челюстями своих

18 любимцев?); глянцевые знаменитости — мне не

было никакого дела ни до них самих, ни до их верных возлюбленных и верных татуировок, ни до их обожаемых устриц и обожаемых ботинок в стиле «унисекс».

Дарья — совсем другое дело. Дарья — моя лучшая подруга. Соратница и наперсница, с которой прожито пять незабываемых лет в общаге универа. Пять лет — со всеми нашими мальчиками, абортами и волнистым попугайчиком Кешей, которого Дарья научила одной-единственной, но сакраментальной фразе: «Девки, выпьем!»

...Долго рыться в помойке под флагом «Рoad Муви» не пришлось: первый же номер явил мне «Гамбургского петуха» и его подведомственную курицу-несушку Д. Валикову.

«Д. Валикова», очевидно, и была Дарьей, хотя я знала ее как Ставицкую, а потом — как Улюкаеву-Гессен. Как и положено сотруднице продвинутого журнала, Дашка обмирала от Умберто Эко, хлопалась в обморок от одного упоминания о Саше Соколове и к месту и не к месту клялась святыми мощами вседержителя Набокова. К прочей мелкокалиберной шушере она относилась с прохладцей и так и норовила подлить в бочку меда даже не ложку дегтя, а ложку касторки. От этого ее заметки выглядели несколько странно и общий их пафос сводился к следующему: «Хотя если быть до конца принципиальными, то невозможно не указать и на проколы. NN, конечно, писатель любопытный, но, по-моему, ему жена изменяет. И вообще, у него простатит, а дед его находился на оккупированной территории».

Но в целом Дашкины пасквили были прехорошенькими и до безобразия походили на саму Дашку — такие же веселые, циничные и саблезубые. Она была просто создана для спецопераций по отстрелу зазевавшихся беллетристов.

Мне же в лучшем случае остается только нашивать ей на рукава знаки отличия. И щипать **19**

корпию. А всему виной мой аналитический тугоплавкий ум, пригодный разве что на философские трактаты: не ко времени, ох не ко времени я его выпестовала! Да еще Бывший со своей заджипованной клячей!..

Из раздумий о невыносимой легкости бытия меня вывел голос Дарьи. Она стояла, ухватившись за ручку двери, и с кем-то сладострастно грызлась.

— Как же вы меня достали с вашей Канунниковой! — с яростью в голосе вопила она. — Может быть, вообще переименуем журнал, раз уж она в каждом номере восседает? Так и назовем — «Аглая: призрак ночи». Или нет — «Аглая: симфония ужаса».

За дверью кто-то осуждающе забубнил. Несколько секунд Дарья молчала, но потом ее голос вновь взвился до апокалиптических высот:

— Не буду я давать рецензию, не буду!!! Пускай «Спутник библиофила» дает. Он всем дает. И как только триппер до сих пор не подхватил, удивляюсь!

Закончив свою бурную речь этим венерологическим пассажем, Дарья ввалилась в комнату и так хлопнула дверью, что у меня из рук вывалилась вся стопка «Роад Муви».

— Неприятности? — Я сочувственно покачала головой.

— Творческие разногласия. Не обращай внимания...

— А кто такая Канунникова?

Дарья, до этого бегавшая по комнате, остановилась, как громом пораженная:

— Ты не знаешь, кто такая Канунникова?!

— Нет.

— Ты меня разыгрываешь.

— Да нет же.

Все последующее показалось мне дурным сном. Дашка, надменная, циничная Дашка, повалилась передо мной на колени и принялась исступленно бить

20 поклоны. И так же исступленно креститься:

— Господи! Благодарю тебя, господи!!! Свершилось! Хоть кто-то о ней не знает! Хоть кто-то о ней не слышал, господи! Какое счастье!...

На глазах у Дарьи проступили слезы благодарности. Еще раз стукнувшись лбом о паркет, она попыталась схватить мою руку и поцеловать ее.

Это было уж слишком. Я отдернула пальцы, на всякий случай отошла к окну и уже оттуда запустила в Дарью вопросом:

— Может, объяснишь мне, что происходит?

— Сначала поклянись, что ты не врешь. Что ты действительно не знаешь, кто такая Аглая Канунникова.

— Понятия не имею.

— Поклянись.

— Хорошо. Клянусь.

Религиозный экстаз затух так же стремительно, как и вспыхнул, Дарья устроилась в кресле, выбила из пачки пухлую светло-коричневую сигарету «Captain Black» и с наслаждением закурила.

— Я жду, — напомнила о себе я.

— «Дервиш сжигает Париж», — с выражением произнесла моя чумовая подруга и нехорошо засмеялась. — Что такое «Дервиш сжигает Париж»?

— Кич, — с готовностью произнесла я, почувствовав, как организм начинает декалитрами вырабатывать желудочный сок. — Квинтэссенция пошлости.

— А теперь представь эту самую квинтэссенцию, но в объеме не... Сколько там было страниц у твоего бабуина?

— Восемьдесят семь.

— А теперь представь еще одно: их не восемьдесят семь, а четыреста восемьдесят семь. Четыреста восемьдесят семь страниц кича каждые четыре месяца. Это и есть Аглая Канунникова.

— Так она писательница? — осенило меня.

Дарья дернулась, как от удара током.

— Помнишь покойного Кешу?

— «Девки, выпьем»?

— Именно. Наш несчастный попугай — и тот нацарапал бы лучше. Жаль, подход не вовремя. А то украсил бы собой масскультуру.

— Чего ты бесишься? В стране полно авторов подобного чтива.

— Она — единственная, — в голосе Дарьи было столько ненависти и страстной убежденности, что я даже поежилась. — Единственная, кто смог так раскрутиться. Куда ни плюнь — всюду она. Знаешь, почему я купила машину? Потому что в метро все читают только ее. Видеть этого не могу!

— Ты меня пугаешь, — начала было я, но Дашка перебила меня самым бесцеремонным образом:

— А теперь еще новый геморрой. Эта сволочь выпустила очередную книжонку, которую я должна рецензировать. Редакция, видите ли, с большим интересом следит за творчеством Аглаи Канунниковой.

— Ну и напиши, что книга — полный отстой.

Дарья выпустила струю дыма мне прямо в лицо и прищурилась:

— Слушай, а почему бы тебе это не написать?

— Мне?!

— А что? Тряхни стариной, у тебя ведь неплохо получалось когда-то. Выспишься на этой твари как следует. Народ тащится, когда распинают его любимцев, это часть игры... Больших денег, конечно, не обещаю, но если ты понравишься Главному... Это шанс.

— Я так не думаю...

...Остаток дня мы с шумом и гиканьем носились по разомлевшей Москве, пили кагор в каких-то кафешантанах и текилу в каких-то кабаках. Два раза меня вытошнило, два раза Дарью останавливали гаишники, и два раза ей удалось от них откупиться. Как мы добрались до Дашкиной квартиры, я не помнила.

22 Но первое, что увидела, когда проснулась на следу-

ющее — отнюдь не прекрасное — утро, оказалось книгой Аглаи Канунниковой.

Книга лежала на полу у изголовья моей кровати.

Я свесила вниз голову, трещавшую по швам от непомерных вчерашних возлияний, и едва подавила в себе рвотный рефлекс.

Никогда больше не буду мешать текилу с кагором! С сегодняшнего дня — только минеральная. Ныне, присно и во веки веков.

Пока я торжественно клялась себе в этом, на пороге возникла Дарья с пакетом кефира в руках.

— Ну, как себя чувствуешь? — спросила она.

Я красноречиво застонала.

— Выпей, — она присела на краешек кровати и протянула мне кефир. — Сразу полегчает.

Полегчало не сразу, а минут через пять. Но за это время я успела завещать Дашке чешскую швейную машинку «Минерва», мою единственную кормилицу. И богато иллюстрированное пособие «Шитье — сто один секрет».

— Не майся дурью, — окоротила меня Дарья. — Лучше сунь два пальца в рот.

Произнеся эту фразу, она выразительно посмотрела на книжку неизвестной мне Аглаи Канунниковой.

— Может, в тазик будет сподручнее? — дрожащим голосом спросила я.

— Не думаю.

Приступ тошноты прошел, и ко мне снова вернулась способность соображать. А вместе с ней пришло раскаяние: последний раз я так безобразно напилась по случаю защиты диплома.

— Журналистского диплома, — уточнила Дарья. — Журналистского! Мое вчерашнее предложение остается в силе. Я сейчас убегаю, а ты полистай опус нашей священной коровы. Может, что-нибудь в голову и придет. Жратва в холодильнике. И не пей много **23**

кефира, там тоже есть градусы. Учти, что вечером мы приглашены на коктейль.

— Куда?

— На коктейль. В одну симпатичную галерею. Недавно открылась. Цэ.

«Цэ» означало «целую». В более широком смысле: «Будь здорова, не кашляй, водки не пей и не спи с кем попало».

— Цэ-цэ, — ответила я и снова рухнула на кровать.

Двужильная, закаленная в бесконечных московских попойках Дашка умчалась по делам своего «Рoad Муви». Я осталась одна и только теперь вспомнила, что о свинствах Бывшего и о моей плачевной участи мы так и не поговорили. И предстоящий рейд на коктейль вряд ли ускорит этот разговор.

Но, черт возьми, именно этого я и хотела: устроить большой сквозняк в голове. Уж он-то наверняка выдует все мысли о Бывшем. Так что да здравствуют Москва, Дашка и симпатичные галереи!.. Да здравствует большая прогулка!

Приняв этот лозунг как руководство к действию, я наконец-то расслабилась и протянула руку к томику Аглаи Канунниковой. Вопреки моим представлениям о подобного рода чтиве, книга вовсе не выглядела экстремально. Никакого оберточного глянца, никаких анилиновых красок, никаких блондинок с кинжалом, зажатым в расселине груди. Напротив, обложка являла образец сдержанности, да и название не было таким уж кроваво-разнузданным: «Такси для ангела».

Я посчитала это хорошим знаком и углубилась в изучение текста.

...Чтобы спустя четыре часа перевернуть последнюю страницу.

Нельзя сказать, что книга ошеломила меня. Или как-то особенно потрясла. Это был добротный, совсем неплохо написанный детектив с необходимым минимумом крови и таким же необходимым

минимумом психологии. В нем было так же удобно, как и в разношенных комнатных тапках, где каждый палец и каждый мозоль на месте. Удобно — не более того. И все же, все же...

Год назад я перелицовывала одно старое пальто одной старой петербургской дамы. Перелицовка заняла не так много времени — всего лишь неделю. Но еще неделю я просто не могла с ним расстаться. Я провела у этого романтического куска твида самые счастливые дни моей жизни (если не считать медовый месяц с Бывшим, который мы провели в деревне Замогилы, на берегу Чудского озера). Стыдно признаться, но я даже спала в этом пальто, чем вызвала неподдельный интерес у Бывшего, который несколько подустал от размеренной и пресной супружеской жизни.

Бывший одобрительно поцокал языком, назвал пальтишко фетишем, меня — шалуньей и предложил сходить в ближайший секс-шоп за каким-нибудь изысканным гарниром к моим «забойным твидовым фантазиям». Секс-шоп я с негодованием отвергла, но так и не смогла объяснить Бывшему, зачем мне понадобилось пеленать тело в чужую, давно вышедшую из моды вещь.

Но какой же она оказалась уютной! Она была создана для другого города и другой страны. Да и для другого времени тоже. Наверное, в этом пальто хорошо было мокнуть под дождем и посещать крохотные кофейни, кормить голубей, греть руки над жаровнями, выбирать обезумевшие от нафталина безделушки на каком-нибудь «блошином» рынке.

В нем хорошо было отправиться куда-нибудь авто-стопом. И сойти на обочине черно-белого, как старая кинолента, времени. Но я точно знала, что никуда не отправлюсь и нигде не сойду. И от этого мое сердце наполнялось печалью. Светлой, ни с чем не сравнимой печалью, похожей на финал фильма «Украденные поцелуи».

Возможно, если бы я выкупила пальто, если бы оставила его у себя, моя жизнь повернулась бы по-другому.

Но я отдала его хозяйке, жалкая неудачница.

Я прошла мимо него, как проходят мимо главной и единственной в жизни любви. И светлая печаль за-былась сама собой.

А сейчас — вспомнилась.

И всему виной была Аглая Канунникова с ее совсем не кровожадным «Такси для ангела». Но особо заморачиваться этим я побоялась. И, покончив с одной детективной интригой, переключилась на другую.

Почему Дашка так ненавидит Канунникову?

Аглая Канунникова не конъюнктурщица, кичем в этом ангельском средстве передвижения и не пахнет. Наоборот, в некоторых местах я даже забывала, что читаю беллетристику. Совсем неплохая и нестыдная работа.

Я, пожалуй, смогла бы выполнить Дашкину просьбу...

Об этом я и заявила своей подруге, когда она вернулась домой. Но, вместо того чтобы обрадоваться, Дарья почему-то поскучилась.

— Ты начала читать? — после недолгого молчания спросила она.

— Уже.

— Что — уже?

— Уже прочитала. Не понимаю, почему ты так на нее окрысилась...

— Нас ждут, — ушла от ответа Дарья. — Собирайся.

...Коктейль в галерее оказался самой обыкновенной пьянкой: нечесаные художники-нонконформисты и сомкнувшийся с ними нечесаный музандеграунд потчевали всех желающих водкой, пивом и жареным арахисом. Дашка надралась в первые полчаса, я же (верная своей утренней клятве) пила только воду

В богемном приюте не было даже минералки.

А галерейная начинка — инсталляции и богоборческие (свят, свят, свят!) иконы с порнодушком — не поразила мое воображение. Зато его поразила Дашка, устроившая просветительскую лекцию в таком же, как и галерея, нонконформистском ватерклозете (с деревенским очком вместо унитаза). Я сама спровоцировала ее, сказав, что возьмусь за рецензию.

— Значит, ты тоже подседа на эту суку Аглаю!

— С чего ты взяла?

— А все на нее подсаживаются.

— Ты преувеличиваешь.

— Да я не то что преувеличиваю — я ее терпеть не могу! Лицемерка поганая! Водит всех за нос. Копалась бы в своем жанре, так нет: в учителя жизни лезет, свои взгляды навязывает. Обо всем высказалась, ничего не забыла!.. Даже по поводу профилактических прививок детям Руанды у нее, видите ли, собственное мнение... Даже по поводу выращивания патиссонов и селекции трехцветного вьюнка!..

— Ладно, — первой не выдержала я. — Черт с ней.

— Вот именно! — Дашка попыталась плюхнуться на отполированный многими сомнительными задницами толчок, и я с трудом ее удержала.

Через час, когда Дашка окончательно превратилась в патиссон, о котором так пламенно распространялась, в галерее появился роскошный молодой человек в белом свитере и с такими же белыми выгоревшими волосами. Проигнорировав многочисленные приветствия и поддоны с пивом, он направился напрямиком к Дашке, пытавшейся улечься на инсталляцию «Балканские войны-13». Легко подняв тело моей подруги, он потащил его к выходу.

— В чем дело? — спросила я, ухватив Дашку за край платья.

Молодой человек даже не сбросил скорости.
А у самого выхода процедил:

— Откройте дверь.

— А вы кто такой?

— А вы кто такая?

Дарья, до этого больше напоминавшая мешок с картошкой, неожиданно приподняла голову.

— Это — наш Главный... А это...

Выпитый «коктейль» оказался сильнее: так и не договорив, очаровательная пьянчужка закрыла глаза и отрубилась.

— А это ее подруга из Питера, — закончила за Дарью я и улыбнулась Главному.

— Что-то припоминаю. Открывайте дверь, подруга из Питера.

Вдвоем мы выволокли бесчувственную тушку на улицу и погрузили ее в такую же белобрысую, как и он сам, тачку Главного.

— Нам к проспекту Мира...

— Знаю, — процедил Главный и в лучших московских традициях сорвал машину с места.

Теперь, во всяком случае, мне стало понятно происхождение мужских парфюмов в ванной и мужских комнатных тапок в прихожей.

Некоторое время мы ехали молча.

— Дарья говорила мне о вас, — он первым нарушил молчание.

— Мы учились вместе. Я тоже закончила журфак. — Кто знает, может быть, это он и есть — мой единственный шанс, о котором говорила Дашка.

— Это не имеет значения.

Ничего не поделаешь: первый же выстрел оказался холостым.

— Но статью все же напишите, — тотчас исправился Главный. — А там посмотрим.

— Об Аглае Канунниковой?

— Да о чем угодно.

28 Ай да Дарья! Похоже, она уже провела подготовительную работу. Милая, заботливая, замечательная

моя подруга! Ангел с крыльями, а не человек! От неожиданно открывшейся перспективы у меня даже закружилась голова.

— Может быть, вы в курсе... Почему она так ненавидит Канунникову?

— А вы сами не догадываетесь? Дарья тоже пыталась писать книги. Но у нее ничего не получилось. Журналистика — совсем другое дело...

Вот оно что! Вот он — корень всему: самая банальная профессиональная зависть.

Больше Главный не сказал ни слова. Он даже отказался от кофе, когда мы поднялись в квартиру. Проводив гостя и уложив Дашку в постель, я снова засела за Канунникову. Теперь, после беседы с холемым начальником «Рoad Муви», Канунникова становилась не целью, а средством. С ее помощью я — если не буду дурой — попытаюсь вернуться в давно потерянную профессиональную жизнь.

...Оставшиеся до отъезда дни я провела за книгами Канунниковой и Дашкиным ноутбуком. Порочная связка альпинистов «Бывший — продюсерша — старая гримза» была напрочь забыта. И когда опомнившаяся Дарья приволокла с работы шикарно изданный двухтомник «Развожусь: за и против», я только пожалала плечами. «Дервиш взрывает Париж» меня больше не интересовал.

За сутки до моего отъезда рецензия была готова. Вернее, это была не рецензия даже, а пространное эссе. Я одобрила его своими собственными размышлениями, унавозила историей о пальто и снабдила заголовком «Украденные поцелуи».

Из соображений безопасности я отдала эссе только на вокзале, за три минуты до отправления поезда. Дарья обещала показать его Главному сегодня же (я подзревала, что торжественный акт показа состоится в постели) и обязательно позвонить, когда все произойдет.

... Дарья не позвонила.

Ни через три дня, ни через пять, ни через две недели.

Должно быть, я полностью дисквалифицировалась. Не уловила ритм покачивающихся бедер «Роад Муви». И сотрудником московского издания мне не быть никогда. И журналисткой — тоже.

Я отметила закат так и не начавшейся карьеры в кафе-мороженом «Пингвин». В полном одиночестве. А потом вернулась к своей «Минерве» с ножным приводом. И к скудным заказам театральной студии Дома культуры им. В. Кингисеппа: бесстрашные студийцы замахнулись на сказку «Снежная королева».

Звонок раздался, когда я пришивала воротник к костюму Маленькой разбойницы.

— Я могу поговорить с Алисой Зданович? — Голос был женский, усталый и вальяжный одновременно.

Такой голос мог принадлежать только богатой клиентке, и я сразу же вспомнила, что моя старая заказчица, мадам Цапник (62-й размер), обещала подкинуть очередную работенку: пальто и два костюма для деловой женщины с изюминкой.

— Слушаю. Вы по поводу пальто? — бодро спросила я.

На другом конце трубки повисло непродолжительное молчание.

— И по поводу пальто тоже, — голос дрогнул.

— Подъезжайте. Васильевский остров, улица Шевченко...

— Видите ли... Я очень занятой человек. А вы сами не могли бы приехать?

Я ухватилась за телефонный шнур. Мадам Цапник не соврала: женщина действительно оказалась деловой. А с преуспевающих бизнес-самок, которые беспокоили меня крайне редко, я обычно брала по двойному тарифу.

30 — Диктуйте адрес.

— Гостиница «Астория», номер 103.

Это несколько меня озадачило. При чем здесь гостиница?..

— Жду вас через час.

— Но...

Женщина повесила трубку, оставив меня в полной растерянности. Станный звонок, странные тексты... А может, это вовсе не наводка мадам? Тогда что? Голос не принадлежал никому из моих знакомых, я никогда не слышала его раньше, но имя и фамилия — мои, телефон тоже мой...

Озарение пришло только тогда, когда швейцар распахнул передо мной тяжелую дверь «Астории».

Дашка. Ну, конечно же, Дашка!

Приехала в Питер по своим богемно-журналистским делам и решила меня разыграть. Добить окончательно. Ты, мол, сидишь с выкройкой и булавками во рту, а я — в дорогой гостинице. Месть за эссе удалась, ничего не скажешь.

Я подошла к стойке суетливо-подобострастного портье.

— Номер сто три. Меня ждут.

Портье сделал неопределенный жест рукой, и за моей спиной вырос молодой человек в строгом костюме. Болтавшаяся на лацкане его пиджака бирка уведомила меня, что я имею дело со службой безопасности отеля. И дальнейшее сопротивление бесполезно.

Молодой человек с биркой аккуратно подхватил меня под локоть.

— Не стоит, я еще сама в состоянии идти, — пролепетала я.

— Пройдемте, — он не обратил на мои слова никакого внимания.

И мы прошли в гостиничный бар. Теперь я была совершенно уверена, что звонок — Дашкиных рук дело. И мадам Цапник с ее деловой протезе здесь **31**

ни при чем: не буду же я снимать мерки в точке общепита, в самом деле!..

Но Дашки в полупустом баре не оказалось. И пока я соображала, что бы это могло значить, охранник подвел меня к самому дальнему столику. За ним располагалась какая-то женщина. Она кивнула охраннику и сделала приглашающий жест рукой.

— Прошу.

— Меня? — переспросила я.

— Вы ведь Алиса? Садитесь.

Поколебавшись секунду, я все-таки устроилась напротив. И робко произнесла:

— Вы от Эмилии Ефимовны?

Эмилией Ефимовной звали мою добрую стотридцатикилограммовую фею мадам Цапник.

— Нет. Я сама по себе.

Женщина подперла рукой подбородок и принялась откровенно меня изучать. Так откровенно, что в первую секунду я разозлилась. А во вторую решила: черт с тобой, изучай, я и слова не скажу.

Точно определить возраст сидевшей передо мной дамы было невозможно. Но ставки начинались с сорока пяти. В этом возрасте она проболтается еще лет двадцать, если, конечно, будет делать подтяжки и посещать массажные кабинеты. Женщины подобного типа никогда не страдают гипертонией, пьют исключительно черный, крепко заваренный кофе, выкуривают не меньше двух пачек сигарет в день, мало спят, коротко стригутся и никогда не закрашивают седину (это придает им дополнительный шарм). Котов в качестве домашних животных они не переносят, зато всегда заводят собак крупных пород и молодых любовников.

Как клиентки, они достаточно непритязательны, потому что в одежде предпочитают спортивный стиль.

В просторечии такой женский подвид называется

И передо мной — типичная представительница этого подвида. Умное, волевое лицо, резко очерченные губы, едва тронутые светлой помадой, и эксклюзивное серебро на всех пальцах. Такого серебра не найти ни в одном магазине, оно передается исключительно по наследству. Или завоевывается как трофей — вместе с карьерой, деньгами и мужскими скальпами...

Закончить анализ я не успела. Женщина вынула из стоящей рядом с ней сумки журнал и швырнула его на стол.

— Ваших рук дело? — спросила она.

Черт возьми, это был «Рoad Муви»! Последний выпуск, датированный июлем. От нехорошего предчувствия у меня засосало под ложечкой. Если это действительно Дашкин розыгрыш, то он чересчур пышно обставлен. И несколько затянулся.

— Страница пятьдесят четыре, — подсказала женщина.

Я подтянула к себе журнал и — не без опасений — раскрыла его на указанной странице.

Буквы запрыгали у меня перед глазами: в рубрике «Гамбургский петух» сияло и переливалось мое собственное эссе «Украденные поцелуи». Конечно же, оно было на добрых две трети меньше первоначального варианта, но оно было!

Дашка, корова, почему ты не сообщила мне об этом?!

— Вы от Дарьи? — спросила я.

— Странные у вас вопросы, — женщина нахмурила тонкие брови. — Я ведь уже сказала. Я — сама по себе. Меня зовут Аглая Канунникова.

Кажется, у меня отвисла челюсть. Или вскрылись все поры на лице. Или выпали все волосы. Во всяком случае, дама, представившаяся как Аглая Канунникова, посмотрела на меня с сожалением. А потом хорошо заточенным ногтем отчеркнула название.

— Почему?

— Что — «почему»? — Я была совершенно сбита с толку.

— Почему вы так ее назвали?

— Есть такой фильм. У Франсуа Трюффо, французского режиссера...

Канунникова досадливо поморщилась.

— Я знаю. Но почему вы назвали свою писульку именно так?

— Просто... Это мой любимый фильм. Мне показалось...

— Плевать мне на то, что вам показалось.

Да, забыла добавить, что бабы с яйцами отличаются бесцеремонностью и роковым влечением к ненормативной лексике.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала я и сделала попытку встать из-за стола.

— Сядьте. Я заказала кофе. Но могу заказать и что-нибудь покрепче, если... — она не договорила и снова уставилась на меня.

— Если?..

— Если вы то, что я думаю. Значит, «Украденные поцелуи»... Там есть посвящение, в самом начале фильма. Кому?

Ситуация была просто идиотской. Еще большей идиоткой оказалась я, клюнув на этот звонок и на этот глупый розыгрыш. Аглая Канунникова, надо же! Бабы с яйцами не пишут уютные книги!..

Видимо, на моем лице отразилась такая борьба чувств, что самозванка-экстремистка не выдержала. И припечатала журнал книгой.

— Это один из моих первых романов, — она перевернула книгу и показала мне обложку с фотографией. — Изображение как на могильной плите, но узнать можно. Похожа?

Книга действительно принадлежала Канунниковой.

А фотография на тыльной стороне — женщине на-

— Убедились?

— Да.

— Мне повторить вопрос?

— Зачем же, я помню. Французской синематеке, вот кому они посвящались, «Украденные поцелуи».

— Отлично, — Аглая раздвинула губы в улыбке. — Вы предпочитаете виски или коньяк?

Виски и коньяк относились к категории «что-нибудь покрепче».

«Что-нибудь покрепче, если вы то, что я думаю». Ах ты, пресыщенная суперпопулярная сука! Дарья права, знаменитости не вызывают ничего, кроме раздражения. Такая может и серную кислоту в рожу плеснуть, и по судам затаскает, если я что-то не то крикнула в своей, будь она проклята, статейке!..

— Я жду, — еще шире улыбнулась Аглая, и только теперь я заметила, что передний зуб у нее сколот.

Самую малость сколот. Интересно, куда смотрит ее дантист?

— Я не пью спиртного.

— Жаль.

Подбитый зуб притягивал меня как магнит. Совершенно алогичный, неправильный зуб. У знаменитостей не должно быть изъянов во рту, от этого зависит их распроклятый имидж. Они готовы терпеть во рту целые кладбища мертвого фарфора, лишь бы не выпасть из обоймы.

В чем дело, Аглая? Или ты не играешь по общим правилам?

Канунникова подозвала официанта сухим пощелкиванием пальцев и что-то шепнула ему на ухо. Официант затряс набриолиненным пробором и сразу же исчез.

— Вы профессиональная журналистка? — продолжила допрос Аглая.

— Я давно не работаю по специальности.

— Очень хорошо, — почему-то обрадовалась она.